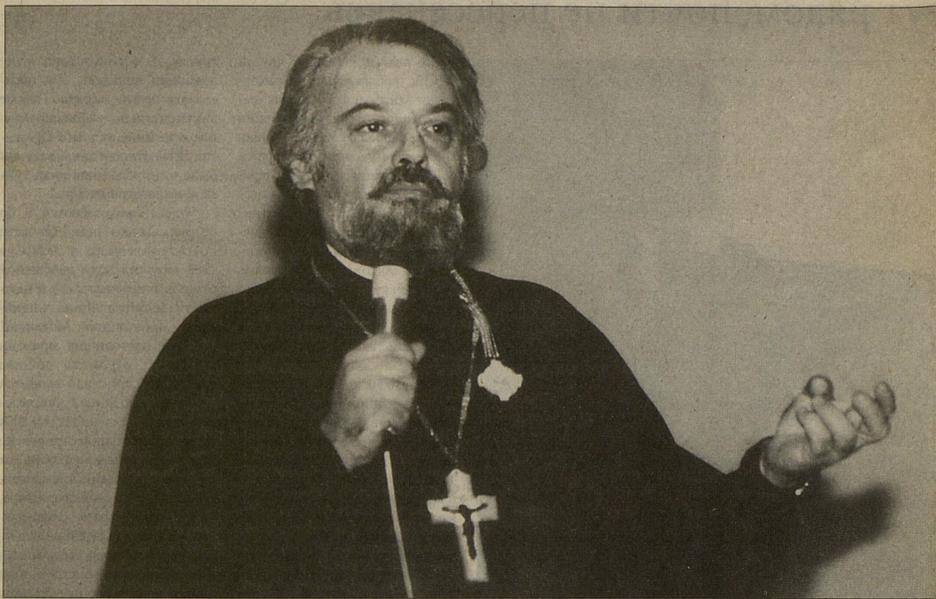

АКЦЕНТЫ / ЮБИЛЕЙ

Образец счастливого человека

Апостол Павел открыл тайну христианства как религии свободы

Сегодня как никогда Русская Церковь нуждается в таких миссионерах и проповедниках, как Александр Мень.

Фото Сергея Бессмертного

Протоиерей Александр Мень

22 января известному проповеднику и церковному писателю, видному деятелю неформального религиозного движения в СССР, протоиерею Александру Мень исполнилось бы 70 лет. В период хрущевских гонений на Церковь Александр Мень стал священником и служил в различных храмах Подмосковья. В 1970 г. он стал служить в Сретенской церкви Новой Деревни (неподалеку от города Пушкино), где и служил до своей трагической гибели 9 декабря 1990 г. Редакция «ИГР» предлагает вниманию читателей фрагмент беседы Александра Мень об апостоле Павле.

Изображение апостола Павла мы видим на любом иконостасе. По словам одного исследователя, в Новом Завете есть две биографии: Христа и Павла. Если человек чуткий, но неосведомленный возьмет Евангелие, он легко проникнет в его дух, смысл, а также почувствует ту силу, которая исходит от Христа.

С апостолом Павлом совершенно не так... Во-первых, его Послания – это не Евангелия (книги, написанные именно для чтения). Это стенограмма живой речи, письмо, написанное по какому-то конкретному поводу человеку, который не пользовался в Церкви всеобщим признанием. Для некоторых он был

ли между собой... Самое страшное было то, что, придя в незнакомый город, надо было говорить, но о чем он мог говорить?! Это все равно, что сейчас прийти в город, где никогда не слышали о вере, и начинать с нуля.

Но он нашел способ. Сначала он находил иудейские общины, потом около них находил людей, которые исповедовали единобожие (греков, сирийцев, римлян). Они имели некоторое представление о Священном Писании, и вот с этого он и начинал. Формально его картой была карта древнеримских дорог. По этим дорогам он и шел. Так что путь ему подготовили римляне.

Чем так необычна его жизнь? Тем, что он обратился внезапно. Но в то же время это было не совсем обращение, более правильно это можно назвать призыванием. Обращение осуществляется разрыв человека со всем тем, что для него было раньше близко, и переход в какое-то новое состояние. Павел стал новым человеком. Но в то же время он остался верен тому же Богу, Которого он исповедовал до этого. И Ему он служил до конца, до того дня, когда его казнили. Почти четверть века он плавал на кораблях, на ульях суденышек, попадал в бури, оказывался за бортом. Однажды он пролежал в море целые сутки, уцепившись за какую-то деревяшку. Много раз сидел в тюрьмах, терпел наказания со стороны иудейских и римских властей, но ничто его не останавливало, потому что им двигал Дух Божий.

По-видимому, он был человеком не очень здоровым. Но он говорил: «Все могу в укрепляю-

И теперь надо подумать, о чем сегодня он может сказать нам с вами. Не просто как человек, живший много веков назад, а как наш современник. Он, конечно, и есть наш современник. Во-первых, потому, что он проповедник истинного христианского соединения с Богом.

Во-вторых, Павел открывает нам тайну свободы, христианства как религии свободы. Не произвола, не анархии, не беззакония, а именно свободы. Человек, любивший Закон и уважавший древние обычаи, любивший Священное Писание, он в то же время поднялся над всем, что было ограничено. «К свободе призваны вы, братья», говорил он.

И, наконец, апостол Павел был человеком, который раскрыл тайну Церкви в свете эсхатологии. Он говорил, что Церковь – это не просто сообщество, союз, а некое единое поле. Приблизившись ко Христу, мы оказываемся в некоем поле. Мы становимся творением Божиим внутри этого поля Божественной любви. Мы переходим из одного состояния в другое, и это исключительно важный момент. Человек сам не переходит, он только осуществляет готовность этого перехода.

Его переходил Бог, и каждый может только сказать о себе, что он это пережил. Это поле он называл телом Христовым. Телом Церкви. На этом строилось все. Он говорил, что как в теле есть разные органы, каждый из которых выполняет свою функцию, так и в теле Христовом все органично и гармонически связано.

Таким образом, он заложил для нас основание для понима-

ние, что глубже всего познал Христа человек, который не знал Его во время Его земной жизни. Это означает, что остается такая возможность углубить и развить это знание для всех людей, которые Его не видели.

Апостол Павел – образец счастливого человека, несмотря на то что у него был, может быть, трудный характер, трудная судьба, горькая жизнь: дома нет, нет семьи, нет постоянного места жительства, даже страны, и той нет. Постоянный ковчегник, на хлеб себе зарабатывает тяжким трудом. Непризнанный, отвергнутый, затравленный. И в то же время гораздо более счастливый, чем иные люди, которые все это имеют.

Таков Павел. Он – не один из апостолов, а, конечно, как правильно выражается Церковь, «первоверховный апостол» наряду с Петром, который был «первым среди двенадцати».

Вопрос о том, принадлежит ли ему четырнадцать «Посланий», которые есть в Новом Завете, однозначного ответа не имеет. Безусловно, ему принадлежат «Послание к римлянам», «Послание к коринфянам» и «Палатам». Споры идут о «малых» «Посланиях»: Тимофею и Титу. Кроме того, всеми учеными признано, что «Послание к евреям» ему не принадлежит. Сомнение в принадлежности Павлу некоторых второстепенных «Посланий» ничего не меняет, потому что главные мысли, главное духовное благовестие заключено именно в этих основных, неспорных «Посланиях».

«Послания» – чтение не из легких. Его мысли часто резко скачут с одного предмета на другой. Уже в самом его стиле заключена целая буря чувств и переживаний. Что касается жанра, то он тоже был неясным. Одно дело – личное письмо, другое дело – литературное послание, которое человек сочиняет в тиши кабинета. Это было нечто среднее. Это был и трактат, и проповедь одновременно, иногда он начинал писать, говорить или диктовать почти стихами, как было принято на семитском Востоке.

Человек, проникнутый Писанием, он внезапно начинал говорить каким-то библейским языком. И стихи прерывали прозу. Мы все помним то место в «Первом Послании к коринфянам» (гл. 13) про значение любви в жизни христианина. Что это такое? Трактат? – Нет. Письмо? – Нет. Это поэма! Ее часто так и называют «песнь любви».

Периодически дух и мысль апостола Павла в Церкви выходила на первый план. Именно он вдохновлял и Иоанна Златоуста, и Блаженного Августина. В Средние века его забывали, отодвигали на задний план, в эпоху Реформации он появляется снова, и Лютер приходит к своим идеям о спасении «только верой», опираясь на апостола Павла. Иногда его использовали как рычаг то в одну, то в другую сторону. Но дух его остается все равно незамутненным.

Текст из архива Фонда имени Александра Мень.

Миссионер в стране Советов

Библейское мышление Александра Мень

Евгений Рашковский

Тех, кто лично знал отца Александра (а мне повезло познакомиться с ним в 1968 г.), и тех, кто познакомился с творчеством священника после его гибели, поражают не только его внутренняя цельность, но также и необыкновенная широта этой личности. Однако и эта цельность, и этот размах коренились прежде всего в жизненном выборе о. Александра. Еще в отрочестве он определил свой будущий путь как путь православного священника. И прошел его полностью, следуя своему призыванию, став не только пастырем, ученым, мыслителем, но и мучеником.

Более 20 лет я восхищался его вдохновенным служением у алтаря, слушал проповеди, исповедовался ему, читал его книги. А в период относительной «перестройки» свободы мне посчастливилось посетить публичные лекции о. Александра. И все это может стать особыми темами для бесед и размышлений. Но сейчас мне бы хотелось рассказать об одной из самых дорогих для меня сторон его наследия – о библейском мышлении.

От отца Александра часто можно было услышать: «Я всего лишь популяризатор. Популяризирую из жалости к людям». И в этих словах было столько смирения и самоиронии. Пусть так. Но для меня, как философа и историка гуманитарных знаний, эта замешанная на сострадании «популяризация» дорогого стоит. Соображениями на эту тему я и хотел бы поделиться в своих кратких заметках.

Пятнадцать лет прошло со времени убийства священника, а его все критикуют. Критикуют уверенно и лихо, например в неадекватности ортодоксальности, как если бы кто-то имел нравственное право претендовать ex cathedra на обладание эталонным ортодоксальностью. Этот тип критики, в общем-то, не выходит за рамки зловещего, и расуждать о нем скучно.

Но есть и другой, более основательный, «ученый», тип критики библейских воззрений и трудов о. Александра. Критики этого рода упрекают священника в отрывочности и описательности его идей и текстов. Видимо, они забывают, что он тру-

дился над своими книгами, не только неся на себе полную «выкладку» обязанностей приходского священника, но и работая в условиях идеологической и информационной самоизоляции советского государства, в условиях перманентных, как и сама советская революция, полицейских гонений.

Отдельные мотивы нынешней «научной» критики трудов о. Александра я готов легко признать. Тем паче что библеистика, как и всякая наука, есть всегда поле критики и самообновления. Но вот что для меня неприемлемо: совершенно ненаучный разоблачительный пафос иных из критиков, чьи труды и исследования во многом и сами-то были подсказаны трудами о. Александра. Трудами 60-80-х годов, то есть весьма далеких с историко-научной точки зрения времен. Здесь, на мой взгляд, работает все то же вечный и печальный архетип неблагодарного ученика...

Библейский подход Александра Мень действительно своеобразен. Библия для него – не

и в в научном сообществе, и среди читающей публики.

А уж его трехтомный Библиологический словарь незаменим для всех: и не для слишком мудращих верующих, и для студентов, и для ученой элиты. Стало быть, его труды, даже с формальной науковедческой точки зрения, не одиночки, не преходящая сенсация «перестроечных» времен. Нынешняя российская (да и не только российская) библейская наука базируется на его систематизациях и популяризациях, на его оригинальных изысканиях, которые совершались в крайне сложных условиях. Ведь квалификация популяризации несет в себе не только огромную просветительскую, но и внутринаучную ценность. Подчас она отвечает и за взаимопонимание между специалистами внутри любой из разветвленных областей знания.

А теперь несколько слов о внутреннем содержании библейских интересов и исследований о. Александра. В трудах и устных беседах он неоднократно высказывал мысль, что биб-

сандра Мень, то я определил бы ее так: движение дохристианского – первобытного, восточного, еврейского, античного – человечества к библейским смыслам и передача этих смыслов последующему человечеству.

А в чем же, на его взгляд, суть этих самых библейских смыслов? Прежде всего в открытии Богоочеловека Христа в истории человеческого духа, в преломленности этого Лица в наших людских судьбах. И каждое поколение, по существу, заново, на свой страх и риск, со всеми приобретениями и потерями, призвано решать эту сверхисторическую и для всех насущную задачу.

Но даже если не разделять эту православную и христосоцентрическую позицию о. Александра, то кто, собственно, сказал, что проблема поисков святыни и человеческого достоинства в истории «ненаучна», что она по ту сторону современного научного дискурса? Открещиваясь от этой проблемы, мы переносим проблематику трудов и таких социогумани-

Библия для отца Александра была не только сводом сложившихся и текстологически изученных произведений, но и самой жизнью

только свод сложившихся и текстологически изученных произведений, но и сама жизнь, молитвенная, литургическая, интеллектуально-духовная, художественная, социальная. Жизнь, инициированная священными текстами и Тем, Кто образует живое средоточие этих текстов – Иисусом Христом.

Меня поражает высокая степень цитируемости трудов о. Александра, прежде всего его многотомника «В поисках Пути, Истины и Жизни» и его книг о православном богослужении, в разных странах: России, Белоруссии, на Украине, в Польше, Словакии, республиках Балтии, во Франции и Италии... Так что и поныне его публикации остаются неотъемлемой частью распространения библейских зна-

ельские знания не могут быть сведены к библейской текстологии, археологии или поэтике, к тонким семантическим или историко-культурным изысканиям. Все это необходимо, но не вполне достаточные элементы библейского знания или шире – библейского познания. Ведь тексты Вечной Книги существуют не только ради ученого mainstream'a, но прежде всего ради человеческой жизни.

Отсюда и идея широкой и многогранной библейской науки, библиологии, как представлял ее о. Александр: огромного, живого, одухотворенного заботой о судьбах человека и его культуры свода знаний о Библии в мире и о мире в Библии.

Если говорить о сердцевине библейских интересов Алек-

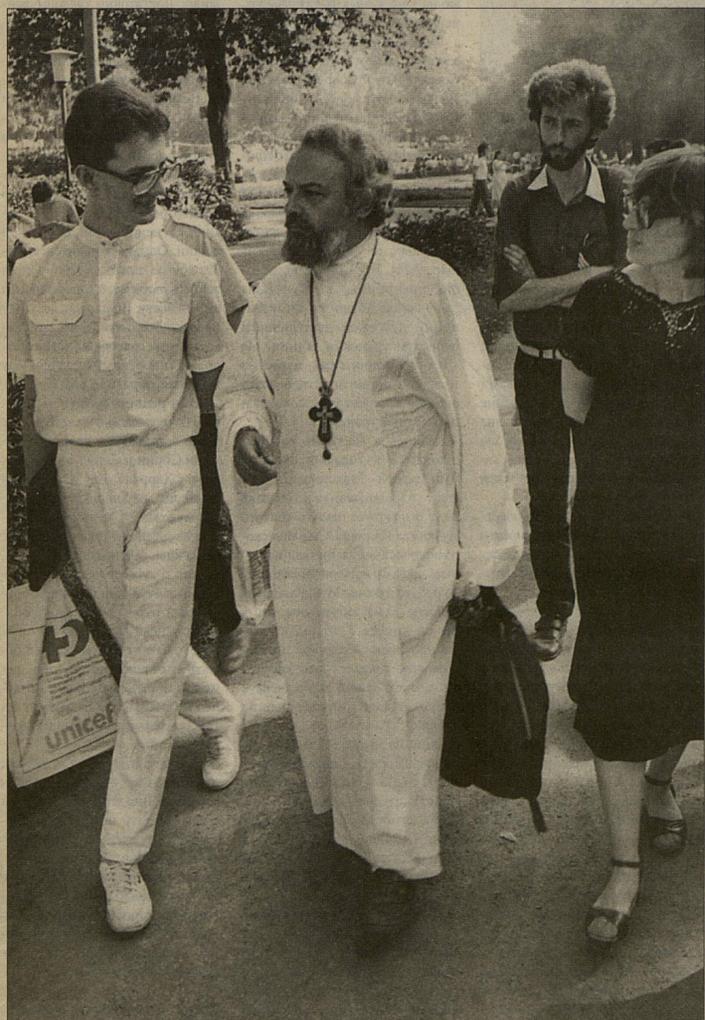
тарных мыслителей прошлого века, как Бенедетто Кроче, Арнольд Джозеф Тойнби, Карл Ясперс, Шмуэль Ноах Айзенштадт. Божь, что мы перечисляем и многое во внутренней содержании историографии постмодернизма...

Так или иначе, в человеке непрерывно пересоздается, если вспомнить слова Ломоносова, естество устав, пересоздается с тем, чтобы сообщить новое дыхание и новую красоту человеку, и жизни, и самому бытию. Это не очередная утопия, но живой прaxis христианства, данный нам в опыте святых, подвижников, мыслителей, художников, музыкантов, поэтов, мастеров науки, социальных реформаторов. «Бог Авраама, Исаака и Иакова» и «Бог философов и ученых», даже если признать всю силу этой антигезы Паскаля, в конечном счете – Один и Тот же Бог (Евр. 13:8).

«Да будь я и негром преклонных годов (эта строка из Маяковского была у о. Александра одной из любимых его присказок), да будь я трижды позитивистом или атеистом, я бы все равно не смог отречься от проблемы насущных человеческих смыслов как от одной из глубинных и непреложных проблем научного знания».

Есть еще один важный и специфический момент, касающийся Библиологического словаря, который составил о. Александр. Этот уникальный компендиум включает в себя оригинальные авторские размышления по истории российской православной библеистики. Боюсь согласиться, что эта ветвь библейских исследований, быть может, не самая осведомленная и не самая глубокая в истории мировых библейских знаний, да к тому же и насильственно обрубленная десятилетиями безбожной диктатуры. Может быть...

Однако кто сказал, что православие – не часть вселенского библейского древа и что православная библеистика дооктябрьских времен – не часть мировой научной, философской и богословской мысли? Ведь на православных библейских исследованиях и интерпретациях в значительной мере воспитывались люди, оказавшие существенное влияние на мировую христианскую мысль: Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Николай Бердяев, митрополит Антоний Сурожский да и сам протоиерей Александр Мень.

Простота и доступность были основными свойствами характера отца Александра.

Фото Рената Мотказина

Евгений Борисович Рашковский – доктор исторических наук.

Для некоторых апостол Павел был просто соблазнителем, еретиком, мятежником, ему не доверяли очень многие!

просто соблазнителем, еретиком, мятежником, ему не доверяли очень многие! Но чудо и тайна Церкви заключается в том, что «Послания» именно этого человека встали рядом с Евангелием.

Одни считают, что именно он создал христианство и богословие. Некоторые утверждают, что он извратил учение Евангелия, другие, напротив, говорят, что Павел вывел евангельскую весть из узкого ручейка на открытые просторы моря. Чтобы не блуждать в этих закоулках и противоречиях, в этих спорных мнениях, нужно прежде всего обратиться к «Посланиям» и постараться увидеть там человека, через которого говорил Бог.

Человек, безусловно, своеобразный, странный, страстный, горячий! Очень противоречивый. Казалось бы, немощный, больной, но абсолютно неутомимый! Он путешествовал пешком. Хотя римская власть уже и установила некоторый порядок, тем не менее вокруг были бандиты, бродяги, в глухих местах отсутствовали гостиницы, иудеи и язычники бесконечно враждова-

нием меня Христе». Господь его укреплял, и он действовал сверх обычных человеческих сил. Павел говорил, что у него были такие состояния, когда он поднимался ввысь до каких-то верхних Небес, слышал там слова, которые не мог передать. Тем самым мы можем назвать его мистиком. Однако одновременно он был и очень практичным. Во время кораблекрушения около острова Мальта все растерялись и пали духом, только он один спас положение тем, что сохранил хладнокровие.

Он мог быть ироничным, саркастичным, даже очень резким в полемике. А полемику он вел сразу с несколькими сторонами. Старозаветные иудеи клеймили его как отступника Закона; язычники – как проповедника новых богов; греки – как проповедника иудаизма; римляне – как нарушителя римских законов. В общем, кого ни возьмешь – всем он был неугоден. Богу было угодно возложить на плечи этого человека великую миссию проповеди народам, и он действительно был апостолом народов.

церковной жизни, понимания нашей нравственной жизни, основанной на свободе. И, наконец, самое главное, апостол Павел установил для Церкви христологизм – центральное значение Христа для внутренней жизни каждого из нас. Конечно, в истории Церкви это много раз терлось. В истории каждого из нас также есть периоды, когда мы это теряем. Но апостол постоянно напоминает нам, что спасаемся мы, то есть приобщаемся к Божественной жизни, только верой, только приобщением ко Христу. Спасение – это то, что дано нам даром и зарабатывать это нельзя.

И последнее. Вы можете спросить: а может быть, это просто его собственное измышление? Есть ли это в Евангелиях? Безусловно, есть. Только Христос говорил об этом иными словами. И, конечно, это было слово Богоочеловека. А слова Павла – это слова Павла-человека. Но он осмыслил Евангелие, которое понял лучше (здесь я подхожу к самому главному), чем люди, которые Христа знали «по плоти», как говорил апостол. Для нас это огромное